

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС

КЕЛЬТСКИЕ СУМЕРКИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС

КЕЛЬТСКИЕ СУМЕРКИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-82(417)
ББК 84(4Ирл)-44
ИЗО

Серия «Эксклюзивная классика»

William Butler Yeats
THE CELTIC TWILIGHT

Перевод с английского *В. Михайлина*

Стихи в переводе *Г. Кружкова, А. Сергеева*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Йейтс, Уильям Батлер.

ИЗО Кельтские сумерки: [сборник] / Уильям Батлер
Йейтс ; [перевод с английского В. Михайлина]. —
Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с. —
(Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-175137-1

«Кельтские сумерки» — собрание увлекательных легенд и мифов об Ирландии, таинственном крае изумрудных полей, где фэйри похищают людей и превращают в себе подобных, келпи заманивают моряков на рифы, а в пред-рассветные часы друиды совершают свои ритуалы.

В настоящее издание вошли и другие прозаические произведения писателя: «Сокровенная Роза» и «Истории о Рыжем Ханрахане».

УДК 821.111-82(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© Перевод. В. Михайлин, 2025
© Перевод, стихи. Г. Кружков, 2025
© Перевод, стихи. А. Сергеев,
наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-175137-1

КЕЛЬТСКИЕ СУМЕРКИ

СКАЗИТЕЛЬ

Немалую часть рассказанных в этой книге историй поведал мне человек по имени Падди Флинн, маленький ясноглазый старик, ютившийся в крохотной, в одну комнату, и с прохудившейся крышей хижине в деревне Баллисдейр, в самом, с его точки зрения, «знатном» — имелся в виду народ холмов¹ — месте во всем графстве Слайго. Есть они, конечно, и в других местах, но с Драмклиффом или Дромахайром всем прочим тягаться трудно. Когда я впервые увидел его, он сидел, скрючившись, у огня, и рядом с ним стояло ведро грибов; в другой раз я застал его прямо под забором — он спал как младенец и улыбался во сне. Он всегда был приветлив и весел, хотя по временам мне казалось, что я отследил в глазах его (быстрых, словно глаза кролика, и глядели они как будто из нор, из двух морщинистых темных норок) толику грусти, которая, однако, и сама была отчасти в радость;

¹ Народ холмов (народ сидов, сиды, фэйри, маленький народец и т.д.) — феи и прочие демонологические персонажи, обитающие в Ирландии в сидах, полых изнутри холмах. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика.*

мечтательная, тихая грусть зверей и людей, живущих, как звери, чутьем.

А жизнь, нужно сказать, его не баловала вовсе — донимаемый деревенскими ребятишками, он брел по ней, заключенный в тройную клетку старости, чудаковатости и глухоты. Может, оттого он и прописывал себе и всем прочим весьма своеобразную жизнерадостность — как средство от всех невзгод. Так, он очень любил рассказывать историю о том, как св. Колумкилле¹ вылечил свою мать. Как-то раз святой пришел к ней и спросил: «Как ты чувствуешь себя сегодня, матушка?» — «Хуже», — ответила та. «Бог даст, завтра будет еще того хуже», — сказал ей на это святой. Назавтра Колумкилле пришел снова, и повторился в точности такой же разговор, но на третий день мать сказала: «Лучше, сынок, благодарение Богу». И тогда святой ответил ей: «Бог даст, завтра будет еще того лучше». Еще ему нравилось

¹ Св. Колумкилле (св. Колумба, «Ангел Церкви», 521–597) — один из трех наиболее почитаемых ирландских святых. Происходил из знатного королевского рода, имел даже право претендовать на королевский престол, но светской власти предпочел власть духовную, которой, кстати, обладал в пределах Ирландии в полной мере. Основал обитель на острове Айона, центр целого семейства монастырей. Защитник и покровитель филидов, древнеирландских певцов и сказителей, игравших в структуре дохристианского и раннехристианского общества весьма почетную и значимую роль. Очевидно, и сам обладал изрядным поэтическим дарованием. Проклял Диармайта, последнего язычника на престоле Тары, после чего тот погиб.

рассказывать о том, как Судия, в день Страшного суда награждая праведного и обрекая на вечные муки грешника, улыбается равно ласково. Самые странные, на сторонний взгляд, вещи могли вдруг обрадовать его, как и опечалить. Я спросил его однажды, видел ли он когда-нибудь маленький народец, и получил в ответ: «А кто, как не они, донимает меня всю мою жизнь?» Еще я спросил, не приходилось ли ему встречать баныши. «Да, я видел одну, — сказал он, — внизу, у реки. Она сидела и шлепала по воде руками».

ВЕРА И НЕВЕРИЕ

Даже и в западных¹ деревнях встречаются порой люди неверующие. Одна женщина рассказывала мне на прошлое Рождество, что она не верит ни в ад, ни в призраков. Ад выдумали попы, чтобы люди вели себя хорошо; а духам, согласно твердому ее убеждению, никто бы не позволил «слоняться по земле без дела», как бы им того ни хотелось; «но фэйри есть, и эльфы есть, и водяные лошади, и падшие ангелы». И еще один мужчина из тамошних, у которого на руке был вытатуирован индеец-мохоук, придерживался таких же совершенно взглядов. Какие бы сомнения тебя ни

¹ Запад, земли древнего королевства Коннахт, считаются в Ирландии традиционно связанными с понятиями мудрости, веры, ведовства и друидического знания.

посещали, в существовании фэйри сомневаться не приходится, потому что, как заявил мне тот человек с индейцем-мохоуком на руке, «с точки зрения разума они вполне объяснимы».

Что-то около трех лет назад в деревне Грейндж, неподалеку от Бен Балбена¹, ночью пропала вдруг девочка, работавшая там в прислугах. Сразу же прошел слух, что ее украли фэйри, и люди в деревне взволнованы были до крайности. Говорили, что один из местных жителей схватил ее в последний момент и долго с фэйри за нее боролся, но в конце концов они одержали-таки победу, а в руках у него вместо девочки осталось метловище. Обратились к местному констеблю; он тут же организовал поиски, а кроме того, посоветовал крестьянам сжечь на том лугу, с которого она пропала, весь букалаунс (крестовник), потому что букалаунс для народа холмов — травка священная. Они всю ночь выжигали крестовник, а констебль читал тем временем какие-то заклятья. Наутро девочку обнаружили на этом самом лугу. Она рассказала, что фэйри увезли ее прочь, очень далеко, на лошади-фэйри². В конце концов она увидела большую реку, и тот человек, который пытался ее спасти, — шутка вполне в духе

¹ Гора в северной части графства Слайго, на родине Йейтса.

² Скотину народа холмов узнать и отличить от обычной, человеку принадлежащей, совсем не трудно. И коровы, и кони, и даже собаки у них, как правило, белые с красными глазами и ушами. Гривы у коней также обыкновенно рыжие.

фэйри — плыл вниз по течению в пустой ракушке сердцевидки. А по дороге спутники упомянули в разговоре имена нескольких жителей деревни, которым суждено было вскорости умереть.

ПОМОЩЬ СМЕРТНЫХ

В древних сказаниях часто приходится слышать о том, как боги уносят с собой человека, чтобы он помог им в битве; сам Кухулин одержал однажды верх над богиней Фанд¹, когда помог ее сестре и мужу сестры победить чужой народ в Стране Обетованной². А еще мне говорили, что фэйри не могут даже играть в хёрлей³, если за каждую из сторон не станет играть смертный, чье тело — или то, что фэйри, по словам сказителя, взбредет на ум подложить на это время вместо тела, — лежит себе и спит спокойно дома. Без помощи смертных они как дым и не могут даже ударить по шару. Как-то

¹ Фанд (Фон) — в «Недуге Кухулина» его потусторонняя возлюбленная, до которой он добирается, переплыв озеро в бронзовой ладье.

² У кельтов была своя Страна Обетованная — счастливая земля за морем, на западе, царствовал в которой Мананнан, сын Лера, в свободное от королевских обязанностей время осуществляющий еще и функции бога моря.

³ Хёрлей (хёрли, хёрлинг) — своеобразный ирландский травяной хоккей, игра древняя и популярная даже и у меньших языческих божеств или местных духов, прямых предков фэйри.

раз мы вдвоем с приятелем бродили по болотистой равнине в графстве Голуэй, и по дороге нам попался старик с резкими, крупными чертами лица — он копал канаву. Приятелю моему доводилось прежде слышать, что этот самый человек давно, еще в молодости, видел нечто в высшей степени удивительное, и нам-таки удалось в конце концов выудить из него эту историю. Когда он был подростком, ему пришлось однажды работать в поле вместе с тремя десятками других мужчин, женщин и подростков. Случилось это где-то за Туамом, неподалеку от Нокнагура. И вдруг они, все тридцать человек разом, увидели на расстоянии что-то около полумили фэйри, их там было сотни полторы. Двое, одетые в темное, как принято было в те времена одеваться среди людей, стояли ярдах в ста друг от друга, на прочих же одежда была всех цветов радуги и сшитая в две полосы и в разноцветную шашечку, а на некоторых — еще и красные¹ жилеты в придачу. Чем они там занимались, он, наверное, видеть не мог, но впечатление было такое, что они как раз играли в хёрлей, ибо «вид у них был точь-в-точь такой». Иногда они вдруг пропадали с глаз, а затем появлялись снова — «он почти готов в том поклясться» — прямо из тел тех двух людей, одетых в темное. Те двое росту были вполне человеческого, а остальные — совсем маленькие. Он наблюдал за

¹ Красный — традиционный цвет ирландской нечисти. Ср. с окраской животных-фэйри.

ними около получаса, а потом старик, на которого и он, и все прочие работали, поднял кнут и сказал: «А ну за работу, хватит дурака валять!» Я спросил его: «А тот старик, он тоже видел фэйри?» — «А как же, конечно видел, но он же платил нам за работу деньги и не хотел, чтобы деньги его пропали даром». И он так загрузил их работой, что никто и не заметил, куда в конце концов подевались фэйри.

1902

ДУХОВИДЕЦ

Как-то вечером в гости ко мне заглянул один молодой человек¹ и стал говорить о сотворении земли и неба и о прочих разностях. Я же постарался расспросить его о том, как он живет и чем занимается. С тех пор как мы с ним виделись в последний раз, он много написал стихов и картин, мистических по преимуществу, но с недавних пор забросил поэзию и живопись совершенно; теперь он взялся воспитывать в себе спокойствие и силу и опасался, что чересчур эмоциональная жизнь художника может всерьез ему в том помешать. И тем не менее стихи свои он охотно цитировал на память. Часть из них так и не была никогда записана. Вдруг мне

¹ Речь идет об известном ирландском поэте Джордже Расселе (1867–1935), который публиковался обычно под псевдонимом АЕ.

показалось, что он как-то странно оглядывается вокруг. «Вы что-нибудь видите, К.?» — спросил я. «Женщина, сияющая и крылатая, с распущенными длинными волосами, стоит у двери», — был ответ, или что-то в этом же духе, я уже точно не помню. «Это воздействие кого-то из живущих, кто думает о нас сейчас и чьи мысли явлены нам в форме символа?» — спросил я снова; мне и раньше приходилось общаться с духовидцами, и я вполне освоился с их манерой выражаться. «Нет, — ответил он, — если бы это были мысли живого человека, я бы ощутил, как его жизненная сила воздействует на мое материальное тело, у меня забилося бы чаще сердце и непременно бы перехватило дыхание. Это дух. Кто-то, кто умер уже или никогда не жил».

Я спросил его, чем он зарабатывает на жизнь, и узнал, что он клерк в одном большом здешнем магазине. В свободное от работы время он, однако, бродил по окрестным холмам, беседовал с крестьянами — чокнутыми слегка или одержимыми, как он сам, духами, а не то убеждал людей со странностями или с нечистой совестью передоверить ему свои беды. В другой раз, когда уже я оказался у него в гостях, выяснилось, что люди шли к нему буквально один за другим и несли с собой проблемы свои, свою веру и неверие, чтобы разглядеть их лучше в сумеречном свете его ума. Иногда видения посещают его прямо во время разговоров с такими вот посетителями; мне говорили, что он описывал разным людям самые интимные подробности дав-

нишних каких-то событий, детали жизни и быта их друзей, живущих едва ли не на другом краю света, чем приводил их в буквальном смысле слова в трепет перед таинственными способностями странного их наставника, который по возрасту многим из них годился по меньшей мере в сыновья, но был прозорливей, чем самые старые и мудрые из них.

Стихи, которые он мне читал, можно было бы и не подписывать — там был он сам и его видения. Порою речь шла о жизнях, прожитых им, как он считал, в иных столетиях, иногда — о людях, с кем он говорил, кому помогал понять собственные их видения и сны. Я сказал ему, что хочу написать статью — о нем самом и о его талантах, и получил на то дозволение при одном условии, что имени его я называть не стану, ибо он хотел навсегда остаться «безвестным, скрытым, безликим». На другой день он прислал мне по почте большую подборку стихов с запиской следующего содержания: «Вот копии понравившихся Вам стихов. Не думаю, чтобы я когда-нибудь еще взял в руки перо или кисть. Сейчас я готовлю себя к другой совершенно деятельности в ином существовании. Я должен сделать твердыми ветви мои и корни. Сегодня — не мой черед выпускать цветы и листья».

Стихи были, все до единого, — попытка поймать в тенета смутных образов некий высший, едва осязаемый смысл. Встречались, и часто, отрывки весьма недурные, но всегда в окружении мыслей, имевших несомненную ценность для него самого, но для стороннего глаза — монеты из незнакомого металла

с надписями на чужом языке. Бывало и так, что мысль, прекрасная сама по себе, испорчена была бесповоротно небрежностью формы, так, словно прямо посередине фразы он останавливался вдруг в сомнении: а не глупость ли с его стороны пере- доверить все это бумаге? Он часто иллюстрировал стихи своими рисунками, в коих несовершенство анатомии не мешало замечать красоту образа и точность чувства. Изрядную долю сюжетов дали ему фэйри, в которых он искренне верит, например: Томас Эркилдунский¹ сидит неподвижно в сумерках, а сзади, из тьмы, склоняется к нему и шепчет что-то на ухо молодая красивая девушка. Более всего его увлекали яркие цветовые эффекты: духи с павлиньими перьями вместо волос на головах; призрак, протянувший из вихря пламени руку к звезде; некое бесплотное существо, несущее в руках переливчатый радужный шар — символ души, скрыв его наполовину в ладонях. Но всюду за буйством красок — прямое обращение к живым человеческим чувствам, что и привлекало к нему всех тех, кто искал, подобно ему самому, озарения или же оплакивал утраченное счастье. Один из таких людей запомнился мне особо. Пару лет тому назад я провел едва ли не целую ночь, бродя взад-вперед по холмам вдвоем со старым крестьянином, который, будучи слеп и глух к большинству людей, с ним одним де-

¹ Томас Эркилдунский (1220?–1297?) — духовидец и поэт, обладавший, предположительно, провидческими способностями. Автор поэмы на сюжет о Тристане.

лился всеми своими бедами. Оба были несчастливы: К. — потому, что он тогда как раз пришел впервые к мысли оставить навсегда искусство и поэзию, старый крестьянин — потому, что жизнь утекла по капле прочь, не оставив ни ясной памяти по себе, ни надежды на что-то иное и лучшее. Печаль его была настолько сильна, что он едва не повредился в рассудке. Раз он выкрикнул вдруг: «Бог владеет небесами, Бог владеет небесами — так нет, ему подавай еще и мир!» — потом взялся вдруг жаловаться, что все его прежние соседи померли и никто его уже не знает и не помнит; в былые времена стоило ему зайти в любой окрестный дом — и для него тут же ставили стул к огоньку поближе, а теперь они спрашивают друг у друга: «Кто этот старик?» — «Тоска меня совсем заела», — сказал он еще раз и снова принялся говорить о Боге и о Небесах. И не один раз, махнувши рукой куда-то в сторону гор, он говорил мне: «Я один знаю, что случилось вон там, в терновнике¹, сорок лет назад», — и в лунном свете на лице у него блестели слезы.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПРИЗРАКИ

Древние картографы писали поперек белых пятен: «Здесь львы». Деревенские рыбаки и землепашцы настолько на нас не похожи, что единственная

¹ Терновник — излюбленное место обитания баньши и прочей ирландской нечисти.

фраза, которую мы с полным правом можем написать на карте, звучать будет так: «Здесь призраки».

Мои знакомые призраки живут в деревне Х., в Ленстере¹. Древняя эта деревушка — с кривыми ее улочками, с заросшим высокой травой двориком на задах старой церкви, с зеленью молодых елочек вместо фона, с причалом, у которого обретаются несколько пахнущих смолой рыбацких люгеров, — истории собой никоим образом не обременила. В анналах энтомологии, однако, она известна достаточно хорошо. Ибо чуть к западу от нее расположена небольшая бухта, где дотошный исследователь может из ночи в ночь, в сумерках, утренних или вечерних, наблюдать у самой кромки прилива какой-то очень редкий вид бабочек. Сотню лет назад его завезли сюда из Италии контрабандисты, вместе с грузом шелка и кружев. Если охотник за бабочками отложит свой сачок в сторону и выйдет на охоту за историями о призраках или о тех детях Лилит², коих мы привыкли называть фэйри, терпения ему понадобится куда как меньше.

Для человека робкого ночной поход в деревню сопряжен с выработкой целой стратегии. Мне рас-

¹ Деревня Хоут не遠далеке от Дублина. Семья Йейтса действительно жила там с 1881 по 1884 год. Ленстер — восточная «четвертина» Ирландии, связанная традиционно с понятиями богатства, ремесел и крестьянского труда.

² Согласно еврейской традиции, первая жена Адама. Была сотворена с ним одновременно, однако отказалась признать в нем своего повелителя. Тем не менее уже после грехопадения спала с ним и рожала демонов.